

Е.Ю. Трещенков

**СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ
В ДИСКУРСАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА***

Аннотация. В последнее десятилетие Европейский союз столкнулся с беспрецедентным количеством взаимосвязанных внутренних кризисов и внешних угроз. Кроме того, его наднациональная политика подвергается серьезной критике со стороны самых разных европейских политических сил. Одним из ответов Брюсселя стала Глобальная стратегия внешней политики и безопасности, представленная в конце июня 2016 г. При этом провозглашенное ядром стратегии понятие «стрессоустойчивость» (*resilience*) мало знакомо для национальных политических дискурсов большинства неанглоязычных государств – членов Евросоюза. В предлагаемом исследовании выявлена специфика присутствия стрессоустойчивости в политических дискурсах Евросоюза и отдельных стран-участниц, включая перспективу формирования целостного и функционально непротиворечивого европейского подхода. Особое внимание уделено контексту, в котором реализуется «стрессоустойчивость», – наднациональному и национальным дискурсам управления и безопасности.

Ключевые слова: Европейский союз; страны-члены; стрессоустойчивость; неолиберализм; управление.

Трещенков Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве, Санкт-Петербургский государственный университет. Email: e.treschenkov@spbu.ru

E.Yu. Treshchenkov. Resilience in Discourses of the European Union

Abstract. In the past decade, the European Union faced an unprecedented number of inter-related internal crises and external threats. In addition, his supranational policy has been heavily criticized by various European political forces. One of the answers was the Global Strategy for Foreign and Security Policy, presented in June 2016. But the concept of «resilience», proclaimed as the core of the EU approach, is new to the national political

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 17-18-01110.

discourses of the majority of non-anglophone Member States. The article identifies the specificity of the presence of resilience in the political discourses of the European Union and its members, including the prospect of forming a coherent and functionally consistent European approach. Particular attention is paid to the context in which «resilience» is realized – supranational and national discourses of governance and security.

Keywords: *European Union; Member States; resilience; neoliberalism; governance.*

**Treshchenkov Evgeny Yur'evich – PhD (History of IR),
Associate Professor, School of International Relations,
Saint Petersburg University. Email: e.treschenkov@spbu.ru**

Последнее десятилетие стало для Евросоюза временем испытаний. Европейский интеграционный проект столкнулся с множественными и зачастую взаимосвязанными кризисами и угрозами. Представление о том, что преодоление кризисов является естественной составляющей европейской интеграционной динамики, сменилось обеспокоенностью относительно способности ЕС успешно справиться с ними в этот раз. Как сам интеграционный проект в его нынешнем виде, так и попытки европейской бюрократии и стран-основательниц вывести европейскую интеграцию из кризиса подвергаются критике со стороны широкого спектра политических сил стран – членов Евросоюза. Рост евроскептицизма и популизма напрямую угрожает той системе ценностей, чье доминирование в дискурсе и политике объединенной Европы постепенно оформилось после окончания Второй мировой войны.

Одним из ответов стала презентованная в июне 2016 г. Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности. Она заменила предыдущий похожий документ – Европейскую стратегию безопасности 2003 г. Ядром представленного видения происходящего, а также перспектив выхода из кризиса была провозглашена концепция стрессоустойчивости¹ (resilience). В Глобальной стратегии 2016 г. стрессоустойчивость упоминалась в разных вариациях более 40 раз. При этом само понятие «стрессоустойчивость», хоть и начало активное проникновение в дискурс глобального и регионального управления сравнительно недавно, не является принципиально новым. Ранее оно разрабатывалось представителями академических кругов, после чего через экспертизу в конкретных областях управления постепенно перешло в дискурсы национальных бюрократий и международных организаций. Бюрократический аппарат Великобритании, находящейся в процессе выхода из Евросоюза, давно использует в своей практике понятие «стрессоустойчивость».

1. Такой перевод «resilience» на русский язык является рабочим, в достаточной степени отражая базовый смысл, вкладываемый в понятие и экспертами, и бюрократами.

Как ни парадоксально, национальным политическим дискурсам многих других членов ЕС, не ставящих под вопрос свое участие в европейском проекте, понятие «стрессоустойчивости» чуждо.

Цель предлагаемого исследования – выявление взаимосвязей между трактовками стрессоустойчивости в дискурсах институтов Европейского союза и государств-членов. При этом особое внимание предлагается уделить рассмотрению стрессоустойчивости в контексте нынешнего кризиса европейской модели управления. Вопрос заключается в том, способно ли «внедрение стрессоустойчивости» в дискурс наднационального управления ликвидировать озабоченности, существующие среди стран-участниц, или появление стрессоустойчивости как ядра «нового подхода» ЕС является лишь косметической мерой, не имеющей отношения к устранению существующих дисбалансов.

Задачи, сформулированные исходя из цели исследования, были решены последовательно. В первую очередь были охарактеризованы существующие академические подходы к определению понятия «стрессоустойчивость», к анализу его значений и взаимосвязей с проблематикой безопасности и управления. Это позволило сформировать инструментарий для последующей работы с дискурсами Евросоюза и государств-членов. Было проанализировано место стрессоустойчивости в дискурсе институтов ЕС, контекст, причины и направления введения стрессоустойчивости в европейский дискурс. В завершающей части исследования были проанализированы дискурсы стрессоустойчивости конкретных стран с учетом специфики их участия в европейском интеграционном проекте, а также с учетом места объединенной Европы в их национальной идентичности. Поскольку количество стран – участниц европейского интеграционного проекта приближается к трем десяткам, было решено сфокусировать внимание на нескольких – Великобритании, Германии, Франции, Польше и Финляндии.

**Стрессоустойчивость:
От научной концепции к прикладному инструменту**

Появление понятия «стрессоустойчивость» в академическом дискурсе связывают с именем канадского эколога К. Холлинга. В его статье 1973 г. речь шла о стабильности и стрессоустойчивости экологических систем. Под стрессоустойчивостью предлагалось понимать способность системы выдерживать колебания параметров в результате воздействия, а под стабильностью – способность системы возвращаться в состояние равновесия после временного потрясения. Исходя из этой логики, система может обладать высокой стрессоустойчивостью, но низкой стабильностью (сложные системы), и наоборот

(более простые системы). Если система достаточно стрессоустойчива, результатом будет ее сохранение, если недостаточно – исчезновение [17, р. 17].

В дальнейшем потенциал концепции применительно к анализу функционирования сложных систем был высоко оценен представителями других дисциплин – психологии, экономической теории и социальных наук. Представление о стрессоустойчивости системы дополнилось тезисами о ее способности к адаптации и изменению, а также о роли обучения и усвоения системой прошлого опыта. Постепенно из академического термина стрессоустойчивость превратилась в понятие, используемое в сфере государственной политики (США, Великобритания) и глобального управления (прежде всего, система ООН).

Как отмечают исследователи, такое широкое и разнообразное применение понятия «стрессоустойчивость» привело к размыванию его целостности и концептуального характера. Все чаще стрессоустойчивость фигурирует не в качестве целостной концепции, а в формате способа мышления, парадигмы или подхода. Этот формат облегчает коммуникацию между представителями различных областей знания и сфер управления. Вместе с тем «плавающий» характер понятия придает дискуссии лишь видимость наличия консенсуса, скрывая существующие противоречия и конфликты [5].

Следующее значимое с точки зрения темы предлагаемого исследования обстоятельство – связь стрессоустойчивости с дискурсом безопасности. Она рассматривается в контексте поиска адекватного ответа на разнообразные вызовы – от хакерских атак до стихийных бедствий. При этом обоснованием введения стрессоустойчивости в этот дискурс служит представление о том, что современные вызовы безопасности комплексны, взаимосвязаны, трудно предсказуемы и являются естественной частью повседневной жизни современного человечества [6, р. 222–223]. В этой ситуации предлагается делать акцент не только на традиционном для сферы безопасности предотвращении угроз, но и на развитии внутренних характеристик и ресурсов системы, способных обеспечить ее устойчивость и восстановление в результате неблагоприятного воздействия.

Такая трактовка присутствия стрессоустойчивости в дискурсе безопасности совпадает с неolibеральным подходом к управлению. Исследователи описывают его через концепцию «нового управленчества»² (new governmentality), предложенную М. Фуко. В ее основе лежит представление о произошедшем в странах Запада изменении подходов к управлению через рационализацию взгляда управленцев на сущность управления и на управляемых [2,

2. Канонического перевода термина «newgovernmentality» на русский язык не сложилось. Существует несколько вариантов, среди которых «новое управленчество», на наш взгляд, адекватнее всего отражает суть этой концепции.

с. 406]. В этом ключе стрессоустойчивость понимается как неолиберальная форма управления, когда государство вовлекает бизнес, общество, местные сообщества и индивидов в процесс управления рисками, при этом делая ставку на формирование стрессоустойчивых субъектов (resilient subjects) [6, р. 223–224]. Поскольку неолиберальный подход к управлению считается прерогативой западных демократий, вопрос о наличии взаимосвязи между неолиберализмом и стрессоустойчивостью в дискурсах Евросоюза и его стран-членов также представляется уместным. При этом, вслед за Фуко, здесь под либерализмом предлагается понимать именно практику рационализации, а не политическую идеологию или экономическую теорию. Соответственно, в анализируемых дискурсах маркерами присутствия неолиберального подхода стали такие понятия как «децентрализация», «индивидуальная ответственность», «приватизация», «ответственность собственников», «стрессоустойчивые субъекты», «вовлечение бизнеса и местных сообществ», «вмешательство государства», «избыток управления» и т.п.

Поскольку речь идет о дискурсах управления, основным материалом исследования стали тексты институтов Евросоюза и правительств стран – членов ЕС. Отдельное место среди материалов занимают стенограммы дебатов в Европарламенте по резолюциям, имеющим отношение к стрессоустойчивости. Эти тексты позволяют сделать выводы относительно общей релевантности национальным подходам дискурса европейской бюрократии по стрессоустойчивости. Кроме того, в соответствии с традицией, заложенной концепцией рациональной бюрократии М. Вебера, отдельное внимание уделено разнице в ролях бюрократического аппарата и политиков. Соответствующее предположение заключается в том, что стрессоустойчивость в дискурсах управления и институтов Евросоюза и его государств-членов (там, где она присутствует) является продуктом бюрократии и ее взаимодействия с экспертами и занимает мало места в текстах политиков. С этой целью, в частности, были рассмотрены программные документы основных политических партий стран – членов ЕС. В совокупности документальная база исследования составила более 150 текстов.

Стрессоустойчивость – ключевое понятие в дискурсе Европейского союза

Понятие «стрессоустойчивость» появилось и развивалось в управленческом дискурсе Евросоюза в соответствии с общей сложившейся тенденцией. С 1980-х и до 2010-х годов это были либо точечные упоминания, связанные с экологией и экономикой, либо случаи использования понятия в специализированных дискурсах, сопряженных с работой европейских агентств или участием Евросоюза в деятельности ООН по предотвращению последствий

стихийных бедствий [1]. Так, в докладах Европейской комиссии о политике развития 2005–2010 гг. не содержится ни одного упоминания этого понятия. Аналогичная ситуация – и со Стратегией безопасности ЕС (2003). Более системное проникновение понятия «стрессоустойчивость» в дискурс управления ЕС началось в 2011–2013 гг. Отдельными сферами его употребления стали кибербезопасность [9] и политика развития. В последнем случае ключевую роль сыграло изменение подходов ООН к проблематике международной помощи развитию: была сделана ставка на объединение инструментария гуманитарной помощи и помощи развитию с акцентом на формирование долгосрочной стрессоустойчивости получателей помощи перед лицом кризисов [31].

Таким образом, до принятия Глобальной стратегии безопасности ЕС (2016) [32] употребление термина «стрессоустойчивость» оставалось ограничено отдельными специфическими сферами, смыкавшимися с повесткой ООН, а также с дискуссиями экспертов-бюрократов в области экологии, энергетики, экономики и информационной безопасности. Для того чтобы этот концепт стал одним из центральных элементов дискуссий о будущем Евросоюза, должно было появиться ощущение наличия угрозы этому будущему. Формированию такого ощущения способствовали последствия кризиса зоны евро, украинский кризис и резкое ухудшение отношений с Россией, конфликты на южной границе Евросоюза и проблема беженцев, дальнейшее обострение проблемы международного терроризма, теперь затрагивающей страны Европы на регулярной основе. Серьезным вызовом стал референдум о выходе Великобритании из ЕС.

Как отмечала в предисловии к Глобальной стратегии безопасности ЕС Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, «существование нашего Союза оказалось под вопросом» [32, р. 3].

Иными словами, Глобальная стратегия 2016 г. – это текст о стрессоустойчивости самого европейского интеграционного проекта, а также о ее внутреннем и внешнем измерениях. Укрепление стрессоустойчивости Евросоюза понимается авторами документа через необходимость устранения противоречий внутри ЕС в пользу еще большего внутреннего ценностного и нормативного единства, через способность ЕС автономно действовать на международной арене, продвигая принципы и ценности, лежащие в его основе, а также через содействие формированию стрессоустойчивых обществ, государств и экономик по периметру. Несмотря на провозглашенную центральность понятия «стрессоустойчивость», его введение в официальный дискурс институтов ЕС не сопровождалось принципиальными изменениями в восприятии угроз или способов их устранения. Так, идея взаимосвязанности благополучия Евросоюза и процессов в соседних государствах существует как

минимум со времен принятия Стратегии безопасности 2003 г. Представление о целесообразности стимулировать реформы в соседних государствах не напрямую, а создавая там ощущение их необходимости, также не является новой. Евросоюз не отказался и от продвижения в соседних регионах своей модели развития и своих ценностей как единственно верных. В этих терминах объясняется и механизм достижения стрессоустойчивости – через развитие демократии, проведение рыночных реформ и гражданское участие [32]. При этом само понятие «стрессоустойчивость» употребляется в разных контекстах, часто без соответствующего определения и носит «плавающий» характер.

Неоднозначной является и ситуация со взаимосвязью между неолиберальным подходом и стрессоустойчивостью в дискурсе Евросоюза. С одной стороны, для институтов ЕС в духе «нового управленчества» характерна постоянная рефлексия относительно избытка управления. Помимо прочего, она нашла отражение в принципах субсидиарности и пропорциональности, зафиксированных в учредительных договорах. В большинстве проанализированных текстов укрепление стрессоустойчивости связывается с децентрализацией и призывом полагаться на ресурсы систем. С другой стороны, в числе одной из причин ряда кризисов указывается недостаток наднационального управления (например, в банковской сфере и монетарной политике). И институты ЕС, и правящие элиты отдельных его стран-членов указывают на необходимость дальнейшей консолидации европейской модели управления вокруг Брюсселя [12].

Такой подход, в свою очередь, сталкивается с критикой со стороны тех политических сил стран – членов ЕС, которые полагают, что именно политика Брюсселя и ключевых стран Евросоюза привела к нынешнему кризису. Ценностная основа европейской модели также все чаще подвергается ими сомнению. Яркие примеры этой тенденции – реформы правящей партии «Право и справедливость» в Польше, риторика германской «Альтернативы для Германии» и французского «Национального фронта». В этой ситуации «стрессоустойчивость» рискует быть воспринятой критиками Брюсселя как еще одно изобретение наднациональной бюрократии, не имеющее отношения к устранению существующих дисбалансов управления.

Стрессоустойчивость в дискурсах стран-членов: Артикуляция и контекст

Англосаксонское происхождение понятия «стрессоустойчивость» напрямую влияет на характер его локализации в дискурсах стран – членов Евросоюза. Анализ переводов этого термина на национальные языки в официальных документах и материалах дебатов в Европарламенте (см., напр.: [29])

свидетельствует об отсутствии понятия «стрессоустойчивость» в национальных дискурсах значительного количества стран-членов. Зачастую существует несколько несинонимичных вариантов перевода (например, немецкие «Widerstandsfähigkeit» и «Resilienz») или один, но с частичной утратой первоначального значения англоязычного термина (например, польская «odporność», переводящаяся как «сопротивляемость»). Вместе с тем есть государства, в управленческих дискурсах которых стрессоустойчивость присутствует давно. В исследовании эта группа стран представлена Великобританией и Францией.

Великобритания, ныне застывшая на пороге выхода из ЕС, традиционно занимает специфическую позицию по ряду вопросов европейской интеграции. Ее экономическая и политическая модели часто противопоставляются континентальной Европе [26]. Ключевой сферой употребления понятия «стрессоустойчивость» в управленческом дискурсе Великобритании является проблематика готовности к преодолению последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций [7]. Однако этим все не исчерпывается – в контексте кибербезопасности упоминается стрессоустойчивость информационной инфраструктуры в связи с экономическими кризисами – макро- и микроэкономическая стрессоустойчивость. Вместе с тем можно говорить о том, что для британского дискурса управления первостепенное значение имеет внутренняя стрессоустойчивость всех систем Соединенного Королевства. Проблематика помощи международному развитию довольно обширна, но второстепенна, в фокусе внимания – прежде всего страны Британского Содружества и бывшие колонии.

В многочисленных руководствах (guidances) и информационных материалах правительственных служб подробно раскрывается содержание стрессоустойчивости, меры по ее укреплению в каждой из сфер и на каждом из уровней децентрализованной системы управления (правительство, бизнес, региональные и местные власти, индивиды). Стрессоустойчивость определяется как «способность активов, сетей и систем предвидеть, поглощать, адаптироваться и / или быстро восстанавливаться после разрушительного воздействия» [21, р. 14]. При этом совершенно в духе неолиберального подхода ситуацию неопределенности будущего, рисков и вызовов безопасности предлагается воспринимать как ситуацию, дающую новые возможности [19].

Ключевым актором артикуляции стрессоустойчивости в политическом дискурсе Великобритании является бюрократия. В последних предвыборных манифестах большинства политических партий Великобритании стрессоустойчивость как понятие отсутствует. При этом существует очевидная связь между идеологией партии и степенью восприимчивости к дискурсу стрессоустойчивости. Лидером по количеству обращений к нему являются проевропейские либеральные демократы, исповедующие идеологию социал-либера-

лизма [24; 25]. В манифестах Лейбористской партии стрессоустойчивость упоминается крайне редко [34] и вовсе не упоминается консерваторами [33].

Интерпретация понятия «стрессоустойчивость» бюрократическим аппаратом происходит в исторически сложившейся национальной системе координат, где право частной собственности незыблемо, индивид ставится во главу угла, а вмешательство государства, по определению, является потенциальным объектом критики. Через эту же призму воспринимается и вмешательство наднациональных структур Евросоюза в британскую политику и управление. Неслучайно идея связывать понятие «стрессоустойчивость» с неолиберальным подходом к управлению возникла именно на основе анализа британского случая [20; 33]. Система формирования стрессоустойчивости Соединенного Королевства предполагает принципиальную ответственность за этот процесс со стороны операторов и владельцев соответствующих ресурсов и инфраструктуры [27].

Вместе с тем признается необходимость координации усилий всех участников на всех уровнях системы при направляющей роли правительства, осознающего, что нет такого подхода, который одинаково хорошо подошел бы всем. Соответственно, основной упор делается на анализ характеристик соответствующих систем и поддержку их самостоятельной инициативы [8]. При этом сама терминология, используемая для характеристики участия правительства в формировании стрессоустойчивости (например, словосочетание «government interventions»), явно совпадает с описанным М. Фуко подходом к рационализации управления через постоянную рефлекссию относительно его избыточности.

Следует заметить, что кейс формы собственности на критическую инфраструктуру хорошо отражает специфику национальных моделей управления стран – членов Евросоюза, а также то, какое место и наполнение получает в их бюрократических дискурсах понятие «стрессоустойчивость». В британском случае формирование стрессоустойчивости неслучайно связывается бюрократами с принципом индивидуальной ответственности каждого собственника и оператора за свой участок инфраструктуры. Британская экономика и инфраструктура характеризуются высокой степенью демонополизации и присутствия частного сектора. Достаточно взглянуть на такой сегмент инфраструктуры, напрямую связанный со стрессоустойчивостью перед лицом террористической угрозы, как воздушное сообщение. Согласно данным Международного совета аэропортов, более 50% воздушных гаваней Соединенного Королевства находится в частной собственности и еще около четверти – в смешанной. Для сравнения: в Финляндии и Польше доля государства в собственности на инфраструктуру воздушных перевозок – 100%. В Германии практически все аэропорты относятся к государственному сектору либо полностью, либо преобладающей частью. Промежуточное положение

занимает Франция, где наблюдается баланс государственного и частного секторов [35].

Естественно, открытая приватизационная политика Великобритании и членство страны в ЕС привела к проникновению в британскую экономику государственных компаний из стран континентальной Европы. Так, существенная часть энергетической инфраструктуры попала под контроль французской EDF, а контракты на пассажирские железнодорожные перевозки получают немецкий и голландский государственные железнодорожные операторы. На этом фоне отдельные эксперты и общественность выражают опасения относительно увеличения зависимости критической инфраструктуры страны от «неэффективных» европейских континентальных государственных компаний [18].

Если британская модель управления часто характеризуется в терминах неолиберализма и децентрализации, то во Франции государственный аппарат рассматривает себя в качестве выразителя политической воли нации и традиционно действенен в сфере регулирования социальной и экономической активности. Это принципиальным образом влияет на артикуляцию стрессоустойчивости во французском дискурсе. При кажущемся совпадении сфер упоминания и базового определения категории есть несколько существенных нюансов в интенсивности обращения к данному понятию и в предлагаемых способах достижения стрессоустойчивости. Во-первых, употребление термина «стрессоустойчивость» во французском дискурсе имеет более локализованный характер, ограниченный темами борьбы с террористической угрозой и чрезвычайными ситуациями, а также проблематикой глобального изменения климата (соответствующие переговоры под эгидой ООН проходили в 2015 г. в Париже). Во-вторых, роль государственного аппарата в обеспечении стрессоустойчивости предстает определяющей – правительство нуждается лишь в легитимации своих усилий со стороны французской нации [23]. В-третьих, в отличие от британского случая, редко, но все же встречаются упоминания Евросоюза в связи со стрессоустойчивостью. Примечательно, что локализованы они исключительно в сфере общей внешней политики и политики безопасности.

Германия, Финляндия и Польша представляют ту группу стран, в политическом дискурсе которых стрессоустойчивость как понятие либо полностью отсутствует, либо упоминается крайне эпизодически в связи с проникновением в национальный дискурс повестки глобального и регионального управления (ООН, ЕС, НАТО).

Для управленческого дискурса Германии стрессоустойчивость никогда не являлась центральным понятием. В качестве немецкоязычных аналогов стрессоустойчивости используются и полная калька с английского – «Resilienz», и не передающий всю смысловую нагрузку термин «Widerstandsfähigkeit»

(сопротивляемость, устойчивость) [15, S. 25]. В целом до начала работы над Глобальной стратегией безопасности ЕС 2016 г. стрессоустойчивость крайне эпизодически упоминалась экспертами исключительно в таких сферах, как социальная работа, охрана окружающей среды и информационная безопасность.

Существенное увеличение количества и разнообразия упоминаний произошло именно в конце 2015 – 2016 г. В духе ответственности за судьбу европейского проекта и международного развития федеральные ведомства ФРГ активно интегрируют понятие «стрессоустойчивость» в трактовке Евросоюза и ООН в международную повестку глобального управления (например, в программу председательства ФРГ в G20) [4]. Более того, обращаясь к членам Бундестага, министр финансов В. Шойбле призывает их «научиться использовать термин “стрессоустойчивость”» [30] – и это неслучайно, поскольку для политических элит это понятие пока, очевидно, малознакомо. Анализ текстов самых свежих программ германских политических партий федерального уровня свидетельствует о полном отсутствии в них понятия «стрессоустойчивость», в то время как «устойчивому развитию» (*nachhaltige Entwicklung*) и «устойчивости» (*Nachhaltigkeit*) в разных интерпретациях даже посвящены отдельные разделы [11; 14; 22; 37; 38].

На сегодняшний момент носителями неолиберального видения стрессоустойчивости в германском политическом дискурсе являются эксперты, выполняющие различные исследования и разработки для бюрократического аппарата [16]. В то же самое время в ключевых концептуальных документах ФРГ, содержащих упоминания этого термина, присутствует четкое представление о первостепенной обязанности федерального правительства (в некоторых случаях – правительств земель) укреплять стрессоустойчивость страны и ее экономики [10].

Как и в случае с Германией, присутствие понятия «стрессоустойчивость» в управленческом дискурсе Финляндии стало заметно в 2016–2017 гг. Вместе с тем его употребление четко связано с участием Финляндии в глобальном и региональном управлении под эгидой ООН и ЕС (например, проблематика сирийского конфликта и беженцев), а также с сотрудничеством с НАТО, расширившимся после украинского кризиса. Для характеристики состояния дел в самой Финляндии термин «стрессоустойчивость» употребляется, преимущественно, в контексте борьбы с киберугрозами. Однако и тут заметно заимствование из наднационального дискурса. Финская Стратегия кибербезопасности (2013) была принята практически одновременно с аналогичной стратегией Евросоюза. В целом текст документа свидетельствует о внимании авторов стратегии к внутренним ресурсам и характеристикам всех уровней системы – бизнеса, местных сообществ, индивидов. Однако речь не идет о децентрализации ответственности за формирование стрессоустойчивости.

Правительство провозглашается ответственным и за общее политическое руководство процессом, и за подготовку стратегических руководств по кибербезопасности, а также за принятие решений относительно развития необходимых ресурсов [13].

Польша – «новая» страна – член ЕС – считается одной из самых успешных и «стрессоустойчивых» экономик Европы. Страна, ранее принадлежавшая к социалистическому блоку, прошла классический путь «возвращения в Европу». При этом ее роль в процессах европейской интеграции изменчива. В первые годы членства в ЕС она выступала в образе «троянского коня» Соединенных Штатов, затем государства, стремящегося всеми силами консолидировать европейский проект (например, деятельность Р. Сикорского), и, наконец, страны, чья нынешняя внутривластная конфигурация и инициативы властей критикуются как противоречащие сути и принципам европейской модели [36].

Для стратегической культуры Польши характерны традиционные подходы. Так, термин «стрессоустойчивость» упоминается в тексте польской Стратегии национальной безопасности, однако речь не идет ни об устойчивой связи этого понятия с неолиберальным подходом, ни о децентрализации, а само понятие используется для характеристики «критической инфраструктуры». Польскую национальную безопасность обеспечивает государство, опираясь при этом на сильную экономику, эффективную систему управления и социальный капитал [28]. Основная сфера упоминания стрессоустойчивости представителями правительства и политического руководства – экономика Польши и ее место в Европейском союзе. В этом контексте в последнее время все чаще подчеркивается необходимость реформирования валютной и экономической моделей управления ЕС. Для основных современных политических партий страны стрессоустойчивости как категории практически не существует. Исключение составляет европеизированная часть представителей «Гражданской платформы», интегрированных в управленческие структуры Евросоюза.

Заключение

Понятие «стрессоустойчивость» мало знакомо для национальных политических дискурсов многих государств – членов Евросоюза, о чем свидетельствуют и отсутствие его адекватных национальных переводов, и поверхностные обсуждения во время дебатов в Европарламенте. Часто оно локализовано в узкоспециальных англоязычных экспертных дискуссиях, а также в примыкающей к ним активности бюрократий по реализации национального вклада в глобальную и региональную повестку ООН.

Ярким исключением является Великобритания. Для находящейся в процессе все еще неочевидного выхода из Евросоюза страны стрессоустойчи-

вость давно стала одной из ключевых категорий в области управления рисками. При этом дискурс стрессоустойчивости поддерживается и развивается преимущественно национальной бюрократией и близкими к ней экспертами. Бюрократический характер и разнообразие сфер употребления сближают подходы ЕС и Великобритании к стрессоустойчивости. Однако нельзя сказать того же о взаимосвязи ее трактовки с неолиберальными практиками децентрализации и индивидуальной ответственности. В британском случае такая взаимосвязь представляется довольно прочной, при этом вмешательство европейской бюрократии в сферы суверенной политики страны воспринимается в тех же терминах, что и вмешательство национального бюрократического аппарата в повседневную жизнь и активность британцев.

В странах континентальной Европы (Польше, Франции, Германии и Финляндии) государственный аппарат остается ключевым актором в формировании стрессоустойчивости. Среди областей пересечения существующих сфер присутствия стрессоустойчивости в наднациональном (ЕС) и национальных дискурсах можно отметить проблематику информационной безопасности (здесь дискурсы ряда стран-членов смыкаются с повесткой не только ЕС, но и НАТО), а также проблематику глобального управления и развития.

Нынешние усилия наднациональных институтов Евросоюза по продвижению стрессоустойчивости в европейской повестке дня встречают отклик среди политического руководства тех стран – членов ЕС, которые в наибольшей степени заинтересованы в сохранении и продвижении интеграционного проекта. Ключевое место в их ряду занимает Германия. Также потенциально высока восприимчивость северных стран (например, Финляндии) к дискурсу Евросоюза. Такая восприимчивость объясняется рядом обстоятельств: местом, которое европейский проект занимает в национальной идентичности того или иного государства – члена ЕС; степенью европеизации его политики и управления; местом многосторонности в национальных подходах к решению региональных и глобальных проблем. Вместе с тем перспективы формирования целостного и функционально непротиворечивого подхода к стрессоустойчивости среди стран – членов ЕС туманны. Помимо существующих различий в национальных моделях управления и ограниченного практического интереса к инструментарию стрессоустойчивости, влияние оказывает заинтересованность самого Брюсселя в сохранении обтекаемого и консенсусного характера ключевых элементов Глобальной стратегии безопасности ЕС 2016 г. Похоже, роль понятия «стрессоустойчивость» в наднациональной повестке дня – быть «пограничным понятием» (boundaryobject), способствующим коммуникации между участниками и различными областями политики.

Библиография

1. Романова Т.А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе // Современная Европа. 2017. № 4. С. 17–28.
2. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
3. Anderson B. What kind of resilience? // Politics. 2015. Vol. 35. Iss. 1. P. 60–66.
4. Auf den Punkt: Informationen aus dem Bundesfinanzministerium. G20 Präsidentschaft 2017: Schwerpunkte im Finanzbereich // Bundesministerium der Finanzen: Official Website. 2016. Sept. 16. URL: http://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Broschueren_Bestellservice/2016-12-01-auf-den-punkt-g20-praesidentschaft.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (Дата обращения: 24.07.2018.)
5. Brand F.S., Jax K. Focusing the meaning (s) of resilience: Resilience as a descriptive concept and a boundary object // Ecology and Society. 2007. Vol. 12. N 1. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (Дата обращения: 24.07.2018.)
6. Brassett J., Croft S., Vaughan-Williams N. Introduction: An agenda for resilience research in politics and international relations // Politics. 2013. Vol. 33. Issue 4. P. 221–228.
7. Civil contingencies act 2004 // The official home of UK legislation. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/36/pdfs/ukpga_20040036_en.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
8. Civil nuclear cyber security strategy // UK Government. Department for business, energy and industrial strategy: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/591619/170213_-_Civil_Nuclear_Cyber_Security_Strategy.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
9. Cybersecurity strategy of the European Union: An open, safe and secure cyberspace: Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels // European Commission: Official Website. 2013. Feb. 7. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
10. Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland 2016 // Bundesministerium des Innern: Official Website. URL: https://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/BMI_CyberSicherheitsStrategie.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
11. Denken wir neu. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017: «Schauen wir nicht länger zu» // Freie Demokraten: Official Website. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)
12. Final report of the Future of Europe Group of the Foreign Ministers of Austria, Belgium, Denmark, France, Italy, Germany, Luxembourg, the Netherlands, Poland, Portugal and Spain // Centre for European reform: Official Website. 2012. Sept. 17. URL: http://www.cer.eu/sites/default/files/westerwelle_report_sept12.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
13. Finland's cyber security strategy. Government Resolution 24.01.2013 // Ministry of Defence: Official Website. 2013. 24 January. URL: http://www.defmin.fi/files/2378/Finland_s_Cyber_Security_Strategy.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
14. Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben: Regierungsprogramm 2017–2021 // Wayback Machine. Internet Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20171102010058/https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/170703regierungsprogramm2017.pdf?file=1> (Дата обращения: 24.07.2018.)
15. Gleiche Chancen für alle. Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. Berlin, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 2007. 104 S.

16. Gründungspotenziale von Menschen mit ausländischen Wurzeln. Entwicklungen, Erfolgsfaktoren, Hemmnisse // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie: Official Website. 2017. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Studien/gruendungspotenziale-menschen-auslaendische-wurzeln.pdf?__blob=publicationFile&v=13 (Дата обращения: 24.07.2018.)

17. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // *Annual Review of ecology and systematics*. 1973. Vol. 4. P. 1–23.

18. How Dutch and German train and bus firms are taking UK taxpayers for a ride // *The Guardian*. 2014. Oct. 12. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2014/oct/12/rail-privatisation-dutch-and-german-companies-took-uk-for-ride> (Дата обращения: 24.07.2018.)

19. Jones A. Managing transport in an uncertain world: Speech // UK Government: Official Website. 2016. March 2. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/managing-transport-in-an-uncertain-world> (Дата обращения: 24.07.2018.)

20. Joseph J. Resilience in UK and French security strategy: An Anglo-Saxon bias? // *Politics*. 2013. Vol. 33. Iss. 4. P. 253–264.

21. Keeping the country running: Natural hazards and infrastructure: A guide to improving the resilience of critical infrastructure and essential services // UK Government: Official Website. 2011. Oct. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61342/natural-hazards-infrastructure.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

22. Langfassung des Wahlprogramms zur Bundestagswahl 2017: Sozial. Gerecht. Frieden. Für Alle: Die Zukunft, für die wir kämpfen! // *Die Linke*. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

23. *Le Livre Blanc: Défense et sécurité nationale*. Paris: Direction de l'information légale et administrative, 2013. 160 p.

24. Liberal Democrats. Manifesto 2015: Stronger economy. Fairer society. Opportunity for everyone. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2015. 157 p. URL: https://d3n8a8pro7vhm.cloudfront.net/libdems/pages/8907/attachments/original/1429028133/Liberal_Democrat_General_Election_Manifesto_2015.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

25. Liberal Democrat Manifesto 2017: Change Britain's future. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2017. 95 p. URL: <https://d3n8a8pro7vhm.cloudfront.net/themes/5909d4366ad575794c000000/attachments/original/1495020157/Manifesto-Final.pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)

26. Marcussen M., Risse Th., Engelmann-Martin D., Knopf H.J., Roscher K. Constructing Europe? The evolution of French, British and German nation state identities // *Journal of European public policy*. 1999. Vol. 6. Iss. 4. P. 614–633.

27. National security strategy and strategic defence and security review 2015: A secure and prosperous United Kingdom // UK Government: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478936/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRI_NT_only.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

28. National security strategy of the Republic of Poland. Warsaw. 2014 // National Security Bureau of Poland: Official Website. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dok/NSS_RP.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

29. Resilience as a strategic priority of the EU external action (Debate) // European Parliament: Official Website. 2017. May 31. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170531&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=B8-2017-0381> (Дата обращения: 24.07.2018.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

30. Schäuble W. Demokratische Politik muss Chancen eröffnen // Die Bundesregierung: Official Website. 2016. Sept. 27. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Namensbeitrag/2016/09/2016-09-27-faz-schaeuble.html> (Дата обращения: 24.07.2018.)

31. SHARE: Supporting Horn of Africa resilience: Commission staff working document // European Commission: Official Website. Brussels, 2012. Apr. 11. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10102/2012/EN/SWD-2012-102-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (Дата обращения: 24.07.2018.)

32. Shared vision, common action: A stronger Europe: A global strategy for the European Union's foreign and security policy // European external action service. 2016. June 28. URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe> (Дата обращения: 24.07.2018.)

33. The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017: Forward, together: Our plan for a stronger Britain and a prosperous future. London: Alan Mabbutt on behalf of the Conservative Party, 2017. 84 p. URL: <https://s3.eu-west-2.amazonaws.com/conservative-party-manifestos/Forward+Together+-+Our+Plan+for+a+Stronger+Britain+and+a+More+Prosperous....pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)

34. The Labour Party Manifesto 2017: For the many, not the few. London: Iain McNicol on behalf of the Labour Party, 2017. 124 p. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)

35. The Ownership of Europe's airports 2016 // Airports Council International: Official Website. URL: https://www.aeroport.fr/uploads/documents/ACI%20EUROPE%20Report_The%20Ownership%20of%20Europes%20Airports%202016.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

36. Tusk D. Statement on the situation in Poland // European Council: Official Website. Brussels. 2017. July 20. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/07/20-tusk-statement-situation-poland/> (Дата обращения: 24.07.2018.)

37. Zeit für mehr Gerechtigkeit: Unser Regierungsprogramm für Deutschland // SPD: Official Website. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

38. Zukunft wird aus Mut gemacht: Bundestagswahlprogramm 2017 // Bündnis 90 / Die Grünen: Official Website. URL: https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017_barrierefrei.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

References

Anderson B. What kind of resilience? // *Politics*. 2015. Vol. 35. Iss. 1. P. 60–66.

Auf den Punkt: Informationen aus dem Bundesfinanzministerium. G20 Präsidentschaft 2017: Schwerpunkte im Finanzbereich // Bundesministerium der Finanzen: Official Website. 2016. Sept. 16. URL: http://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Broschueren_Bestellservice/2016-12-01-auf-den-punkt-g20-praesidentschaft.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (Дата обращения: 24.07.2018.)

Brand F.S., Jax K. Focusing the meaning (s) of resilience: Resilience as a descriptive concept and a boundary object // *Ecology and Society*. 2007. Vol. 12. N 1. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (Дата обращения: 24.07.2018.)

Brassett J., Croft S., Vaughan-Williams N. Introduction: An agenda for resilience research in politics and international relations // *Politics*. 2013. Vol. 33. Issue 4. P. 221–228.

Civil contingencies act 2004 // The official home of UK legislation. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/36/pdfs/ukpga_20040036_en.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Civil nuclear cyber security strategy // UK Government. Department for business, energy and industrial strategy: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/591619/170213_-_Civil_Nuclear_Cyber_Security_Strategy.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland 2016 // Bundesministerium des Innern: Official Website. URL: https://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/BMI_CyberSicherheitsStrategie.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Cybersecurity strategy of the European Union: An open, safe and secure cyberspace: Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels // European Commission: Official Website. 2013. Feb. 7. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Denken wir neu. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017: «Schauen wir nicht länger zu» // Freie Demokraten: Official Website. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Final report of the Future of Europe Group of the Foreign Ministers of Austria, Belgium, Denmark, France, Italy, Germany, Luxembourg, the Netherlands, Poland, Portugal and Spain // Centre for European reform: Official Website. 2012. Sept. 17. URL: http://www.cer.eu/sites/default/files/westerwelle_report_sept12.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Finland's cyber security strategy. Government Resolution 24.01.2013 // Ministry of Defence: Official Website. 2013. 24 January. URL: http://www.defmin.fi/files/2378/Finland_s_Cyber_Security_Strategy.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Saint Petersburg: Nauka, 2010. 448 p.

Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben: Regierungsprogramm 2017–2021 // Wayback Machine. Internet Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20171102010058/https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/170703regierungsprogramm2017.pdf?file=1> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Gleiche Chancen für alle. Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. Berlin, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 2007. 104 S.

Gründungspotenziale von Menschen mit ausländischen Wurzeln. Entwicklungen, Erfolgsfaktoren, Hemmnisse // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie: Official Website. 2017. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Studien/gruendungspotenziale-menschen-auslaendische-wurzeln.pdf?__blob=publicationFile&v=13 (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // Annual Review of ecology and systematics. 1973. Vol. 4. P. 1–23.

How Dutch and German train and bus firms are taking UK taxpayers for a ride // The Guardian. 2014. Oct. 12. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2014/oct/12/rail-privatisation-dutch-and-german-companies-took-uk-for-ride> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Jones A. Managing transport in an uncertain world: Speech // UK Government: Official Website. 2016. March 2. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/managing-transport-in-an-uncertain-world> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Joseph J. Resilience in UK and French security strategy: An Anglo-Saxon bias? // Politics. 2013. Vol. 33. Iss. 4. P. 253–264.

Keeping the country running: Natural hazards and infrastructure: A guide to improving the resilience of critical infrastructure and essential services // UK Government: Official Website. 2011.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Oct. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61342/natural-hazards-infrastructure.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Langfassung des Wahlprogramms zur Bundestagswahl 2017: Sozial. Gerecht. Frieden. Für Alle: Die Zukunft, für die wir kämpfen! // Die Linke. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Le Livre Blanc: Défense et sécurité nationale. Paris: Direction de l'information légale et administrative, 2013. 160 p.

Liberal Democrat Manifesto 2017: Change Britain's future. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2017. 95 p. URL: <https://d3n8a8pro7vnm.cloudfront.net/themes/5909d4366ad575794c000000/attachments/original/1495020157/Manifesto-Final.pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Liberal Democrats. Manifesto 2015: Stronger economy. Fairer society. Opportunity for everyone. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2015. 157 p. URL: https://d3n8a8pro7vnm.cloudfront.net/libdems/pages/8907/attachments/original/1429028133/Liberal_Democrat_General_Election_Manifesto_2015.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Marcussen M., Risse Th., Engelmann-Martin D., Knopf H.J., Roscher K. Constructing Europe? The evolution of French, British and German nation state identities // Journal of European public policy. 1999. Vol. 6. Iss. 4. P. 614–633.

National security strategy and strategic defence and security review 2015: A secure and prosperous United Kingdom // UK Government: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478936/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRI_NT_only.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

National security strategy of the Republic of Poland. Warsaw. 2014 // National Security Bureau of Poland: Official Website. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dok/NSS_RP.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Resilience as a strategic priority of the EU external action (Debate) // European Parliament: Official Website. 2017. May 31. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170531&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=B8-2017-0381> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Romanova T.A. Kategorija «stressoustojchivost'» v Evropejskom Sojuze // Sovremennaja Evropa. 2017. N 4. P. 17–28.

Schäuble W. Demokratische Politik muss Chancen eröffnen. // Die Bundesregierung: Official Website. 2016. Sept. 27. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Namensbeitrag/2016/09/2016-09-27-faz-schaeuble.html> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

SHARE: Supporting Horn of Africa resilience: Commission staff working document // European Commission: Official Website. Brussels, 2012. Apr. 11. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10102/2012/EN/SWD-2012-102-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Shared vision, common action: A stronger Europe: A global strategy for the European Union's foreign and security policy // European external action service. 2016. June 28. URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017: Forward, together: Our plan for a stronger Britain and a prosperous future. London: Alan Mabbutt on behalf of the Conservative Party, 2017. 84 p. URL: <https://s3.eu-west-2.amazonaws.com/conservative-party-manifestos/Forward+Together++Our+Plan+for+a+Stronger+Britain+and+a+More+Prosperous....pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

The Labour Party Manifesto 2017: For the many, not the few. London: Iain McNicol on behalf of the Labour Party, 2017. 124 p. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

The Ownership of Europe's airports 2016 // Airports Council International: Official Website. URL: https://www.aeroport.fr/uploads/documents/ACI%20EUROPE%20Report_The%20Ownership%20of%20Europes%20Airports%202016.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Tusk D. Statement on the situation in Poland // European Council: Official Website. Brussels. 2017. July 20. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/07/20-tusk-statement-situation-poland/> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Zeit für mehr Gerechtigkeit: Unser Regierungsprogramm für Deutschland // SPD: Official Website. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Zukunft wird aus Mut gemacht: Bundestagswahlprogramm 2017 // Bündnis 90 / Die Grünen: Official Website. URL: https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017_barrierefrei.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)